

© 2002 г.

Кудрявцев В.Н. ПРЕСТУПНОСТЬ И НРАВЫ ПЕРЕХОДНОГО ОБЩЕСТВА.

М.: Гардарики, 2002. 238 с.

Не случайно книга начинается эпитафией из лекции по этике И. Канта: "Наша забота состоит в том, чтобы порядочно вести себя, и тогда весь мир может говорить все, что угодно". Выход в свет книг по общественным нравам редко располагает читателя к восприятию, окрашенному в полутона. Чаще оно наполняется обличительным или апологетическим содержанием. И это понятно. Нравственность принадлежит к тем сферам человеческого существования, о которых говорят - третьего не дано. Нравственность либо есть, либо ее нет. Решение нравственных проблем дается человечеству даже труднее, чем проблем экономических или технических. Масштабный исторический опыт человечества позволяет ставить вопрос о несовпадении социального, экономического и технического прогресса, с одной стороны, и нравственного совершенствования человеческого общества, - с другой. Прогресс научного знания, поддержанный достижениями в области высоких технологий, сметает один этический запрет за другим, подрывая сами моральные основы человеческого существования. Беспрецедентная криминализация мирового сообщества подрывает даже элементарные моральные нормы человеческой жизни. Для характеристики недавнего времени использовалось слово "кризис", потому что все сферы социума охватывались им. Но в основе всех кризисов лежит кризис морали, кризис нравственности человека. И поэтому читателя несомненно заинтересует новая книга академика В.Н. Кудрявцева, посвященная общественным нравам. Несмотря на присутствие в ее названии слова "преступность", взятый автором масштаб анализа проблемы ничуть не уменьшается от этого. Будучи по профессии юристом, автор показывает себя и тонко чувствующим исследователем человеческой нравственности. Она написана на стыке самых разных дисциплин, начиная с психологии, социальной антропологии и кончая историей. Эта междисциплинарность составляет несомненное ее достоинство.

В главах монографии теоретический, исторический и эмпирический материал уравновешивают друг друга, обеспечивая сбалансированный анализ интересующих общество проблем.

Автор отдает себе отчет в том, что понятие нравов трудно определимо; отсутствует специальная статистика нравов. Эта сфера человеческого существования как бы ускользает от измерения объективными индикаторами, способными зафиксировать состояние экономики или социальные отношения, но оказывающимися бессильными "поймать" нравственные импульсы, мотивацию. Тем не менее, В.Н. Кудрявцев стремится теоретически осмыслить проблему. Среди методологически ценных принципов он выделяет роль причинности. "Причинное объяснение, - пишет автор, - предполагает выявление... всей совокупности внешних и внутренних обстоятельств, оказывающих то или иное влияние на изучаемое явление" (с. 11). Уникальная особенность принципа причинности (глава I "Теоретическое введение") видится ему и в том, что причинные отношения затрагивают цели и мотивации человеческого поведения. Понятая применительно к обществу причинность как сложная цепочка взаимодействий между объективным и субъективным позволяет автору рассматривать причины преступности в качестве следствия *социальных противоречий*. Вместе с тем, В.Н. Кудрявцев не дает себя увлечь односторонностями социально-экономического подхода. При решении сложной проблемы роли духовной, нравственной стороны в генезисе преступности он не соглашается отнести социально-экономические факторы к условиям, а не к причинам криминальных действий. Другими словами, он не склонен рассматривать кризис нравов в качестве единственной глубокой причины криминальности. В этой связи любопытно авторское понимание понятия нравов. "*К нравам относятся взгляды и нормы поведения (в том числе религиозные, правовые, моральные), отношения между людьми, типы человеческих характеров, преобладающие ценности, потребности и интересы*" (с. 16). Рассматривая нравы, он не считает возможным назвать их "первичным социальным явлением", объясняющим преступность. Особенностью его подхода является характеристика нравов с позиций социодинамики. Применительно к российскому

обществу, речь идет не просто о нравах вообще, а о нравах переходного, кризисного этапа. В более общем плане это требует констатировать подвижность, изменчивость нравов, их историческую родословную. Поэтому совершенно закономерен исторический экскурс автора в область нравов (глава II "Краткий исторический обзор").

Различаются четыре основные характеристики господствующих нравов: отношение к обычаям и традициям разных народов; отношение к правовым актам; отношение к религиозным и светским моральным предписаниям; типология характеров людей. Первая из перечисленных характеристик, как, впрочем, и вторая, проиллюстрирована на богатом историческом и культурологическом материале. Сравнивая действенность обычаев и традиций как форм регуляции поведения людей с эффективностью правовой системы, исследователь полагает, что "правовая система оказалась исторически несравненно более устойчивой и эффективной, чем традиции и обычаи" (с. 51). Однако этот вывод не умаляет высокую оценку автором значения и роли обычаев и традиций.

В широком перечне имен мыслителей древности и нового времени, задумывавшихся над нравственным состоянием человека, мы встречаем много прославленных философов. И тем досаднее узнать, что их усилия создать такие этические платформы, на которых могла бы строиться повседневная жизнь людей, потерпели неудачу. Так, философы Древней Греции не смогли дать убедительной формулировки высшего морального принципа, а этические принципы Сократа, Платона, Эпикура и многих других не выдержали проверки временем. Не менее критичен автор и в отношении мудрецов Востока. Этический принцип, разработанный впоследствии Кантом - "не делай людям того, чего не желаешь себе", - который китайский мыслитель Конфуций считал ведущим, по мнению В.Н. Кудрявцева, "оказался далеко не идеальным".

Подлинным прорывом в формировании нравственных оснований человеческой жизнедеятельности автор справедливо считает моральные предписания мировых религий. Но как объяснить, что могучий преобразовательный импульс, исходящий от религии, уживался со старыми пороками людей? За ответ на этот вопрос можно принять слова автора о том, что римская католическая церковь, умертвившая на кострах инквизиции в одной лишь Испании более 30 тыс. человек, погрязшая в интригах и коррупции, первая нарушила христианские заветы (с. 62). Однако, думается, вопрос остается по-прежнему без ответа. Подобные вопросы возникают и при чтении тех страниц главы, которые посвящены анализу морали в советский период. Почему капитулируют коллективистские, "антибуржуазные" ценности перед лицом "капиталистических нравов" (как пишет автор), если последние публично порицались и не разделялись простыми людьми, о чем можно судить по многочисленным социологическим исследованиям, приводимым в книге? Бесспорно, это сложные проблемы. И заслуга автора в том, что своим анализом он привлекает к ним внимание.

Несомненный интерес в главе представляет и типология человеческих характеров. Автор говорит о множестве позиций по этому вопросу и подчеркивает отсутствие общепризнанного понимания и определения характера. Тем не менее, автор с симпатией говорит о продуктивных, с его точки зрения, попытках построить классификацию характеров "на общей основе конструкции человеческой личности", предпринятых А.Ф. Лазурским еще в начале XX в.

В главе "Переходное общество" рассматривается связь между происшедшей в 90-е гг. XX в. коренной трансформацией социально-экономических, политических, идеологических устоев российского общества и его нравственными ориентирами. Рисуя картину кризисной ситуации, сложившейся во всех сферах социума, В.Н. Кудрявцев склоняется скорее к критической в целом оценке неолиберальных реформ как в экономике, так и государственно-правовой системе. При этом ряд изменений оценен позитивно: демократизация избирательного процесса, многопартийность, идеологический плюрализм. Критика автора сводится не к неприятию самой по себе антисистемной направленности происходящих изменений, а к тому, как неумело, "бездарно" осуществлялись экономические реформы (с. 93). Поэтому ухудшение нравов он напрямую связывает с затяжным кризисным социально-экономическим состоянием общества. Непосредственным следствием негативных экономических процессов оказывается и рост преступности, особенно организованной. Автор достаточно откровенен в ее оценках. В частности, он подчеркивает ее функциональность, объясняющую эффективность такой формы криминалитета, справедливо отмечая, что функциональность организованной преступности свидетельствует, с одной стороны, об эффективности этой формы нелегитимной социальной активности, а с другой - об исключительной слабости государства и гражданского общества, "их бессилии" (с. 100).

Интересны наблюдения В.Н. Кудрявцева относительно изменения преступной субкультуры. К концу XX - началу XXI вв. она, по его мнению, приобрела две отличительные черты: 1) на смену прежних "воров в законе" и их "морали" пришли новые поколения преступников,

которые вместо изоляции от внешней социальной среды выбрали путь вхождения в общество и его институты; 2) произошло сближение криминальной субкультуры с нравами современного кризисного общества. Эти изменения автор связывает с нецивилизованной, грубой капитализацией страны (с. 106).

В главе "Ценностные ориентации" развиваются темы предыдущих разделов. Привлекая теоретический и эмпирический материал, автор показывает глубокие изменения в системе ценностных диспозиций россиян, имевшие место за последнее десятилетие. Опираясь на выводы и данные социологов, он выделяет три основные тенденции в динамике базовых ценностных ориентаций населения России. Первая тенденция (1990-1995 гг.) отражала устойчивый характер основных жизненных ценностей россиян, связанных с душевной гармонией, свободой, интересной работой и правом жить в любой стране. Вторая тенденция (1996-1997 гг.) показывает процесс вытеснения духовно-нравственных ценностных ориентаций материальными, прагматическими. Наконец, третья тенденция - восстановление таких ценностей, как спокойная совесть и душевная гармония, значимость равенства возможностей, интересной работы. Таким образом, речь идет о трех моделях ценностных систем. При этом те, кто тяготеет к индивидуалистической модели западного типа, составляют 25-30% населения, а те, кто связан с носителями традиционалистской российской ментальности и патриархально-коллективистской системой ценностей, - 35-40%. Остальные это люди с противоречивым типом нравственного сознания (с. 126).

Противостояние индивидуалистических и коллективистских ориентаций осмысливается автором на фоне крупных социоисторических процессов. В динамике развития данных ценностных ориентиров отмечается очевидная повторяемость. Индивидуализм, который вырос из христианства, возникшего в недрах античности, вновь заявляет о себе в эпоху Возрождения и складывается в специфическую культурно-цивилизационную систему в период классического либерализма. В свою очередь коллективизм, имевший социальную опору в системе патерналистско-общинных отношений древности, обретает поддержку с процессом укрепления и централизации государства и формирования корпоративистских структур в разные периоды истории и получает как бы свое социальное оправдание в эпоху кризиса индивидуализма на рубеже XIX-XX вв.

Марксизм, который основывался на приоритете классовых (коллективных) интересов и подчинении индивида коллективу во имя общего блага, оценивается В.Н. Кудрявцевым как движение вспять, так как перечеркивал достижения буржуазных революций с их универсализмом прав человека, автономностью личности, признанием ее высокого назначения в обществе. Однако оценка значимости индивидуалистических ценностей не означает, что автор - апологет индивидуализма и принципиальный противник коллективизма. Скорее, его мысль уходит от крайностей обоих полюсов социальной и моральной организации общества, порождающих либо социально обособленное существование личности, разрушающее ее связь с социумом, либо тоталитарное поглощение личности коллективом. Он видит исторические преимущества того типа социального порядка, который достигает относительно сбалансированного соотношения между личной свободой и коллективистскими началами.

Обратим внимание на то, что он не связывает приоритетность коллективистских (групповых) интересов или индивидуалистических настроений с принадлежностью человека к тому или иному социальному классу, слою или группе. Так, главной целью 55% опрошенных из "высшего класса" было достижение высокого социального статуса в обществе, что требует не только опоры на собственные силы, но поддержки социальных групп, широких связей, умения работать в коллективе (с. 132-133). Для среднего класса, считает В.Н. Кудрявцев, характерны не только инициативность, предприимчивость, но и групповая сплоченность, семейная и профессиональная взаимопомощь. В то же время, по оценке автора, ведущими мотивами поведения представителей "низшего класса" являются низкий уровень запросов, отсутствие жизненных планов, а также агрессивность и эгоизм. Что же касается товарищеской взаимопомощи, то она наблюдается в основном на селе. Более выраженные расхождения между коллективистскими и индивидуалистическими ориентациями автор видит в демографической сфере: молодежь больше ориентирована на индивидуальные ценности, чем люди старших возрастных категорий.

В главе "Нравственная аномия" анализируются моральные установки, представления людей. Здесь внимание исследователя, в частности, останавливается на проблеме нравственных идеалов, критериев истинности моральной оценки, которая, как он считает, не получила "убедительного разрешения в научных исследованиях по этике" (с. 154). Что касается категорического императива Канта, то у автора он вызывает ряд оговорок. Во-первых, кантовский категорический императив не только запрещает причинение зла, но и ограничивает инициативу в проявлении добра. Во-вторых, кантовский категорический императив плохо приспособлен к

экстремальным ситуациям, так как тяготеет к толстовскому "непротивлению злу насилем". В-третьих, критерием морально обоснованных поступков выступает у Канта желание сделать нравственные максимы всеобщим законом, что требует признания их таковыми со стороны всех членов общества. Но В.Н. Кудрявцев не считает возможным добровольное признание обществом единых, обязательных для всех нравственных принципов, поскольку, по его убеждению, они вырабатываются самим субъектом и имеют историческое происхождение, в конечном счете, социально обусловлены. Отсюда выводится и относительность моральных принципов - то, что может быть добрым, справедливым для одного, может возыметь противоположное значение для другого. В масштабах общества эта противоречивость и разнонаправленность воздействий этических норм усиливается многократно. Такая позиция имеет свою логику. Действительно, превращение тех или иных моральных предписаний в унифицированные стандарты несет в себе опасность принудительной регуляции взаимоотношений между людьми, чревато, в конечном счете, покушением на свободу индивида. Вместе с тем, без единых нравственных норм, необходимость выполнения которых хотя бы формально признавалась людьми, общество неминуемо бы дезинтегрировалось. Об этом свидетельствует история цивилизаций.

Проблема, видимо, должна быть смещена в иную плоскость. Важно понять источники морали. Любой секулярный ответ на этот вопрос влечет за собой релятивизацию нравственности со всеми вытекающими из этого последствиями. Ярким примером такой релятивной нравственности является автономная мораль, которая, по словам В.Н. Кудрявцева, может быть "возвышенной, героической или, напротив, низменной и преступной" (с. 161). Примеры такой морали автор находит и в древней истории (Сократ), и в наши дни (скажем, представители гуманитарной интеллигенции). Но он справедливо говорит и о противоположной стороне автономной морали, где она смыкается с нравами криминальной субкультуры. "Такая автономная мораль как общественное явление пока не вполне осознана обществом, тем более что она вырастает на почве аномии - распада нравственных ценностей..." (с. 164). С моральной аномией автор связывает противоречивость нравственного сознания людей "переходного периода", в особенности молодежи.

Глава "Преступность и характер" более всего корреспондирует с психологическим анализом. В ней собран значительный материал, позволяющий судить о разнообразии характеров и их оценок, приведены позиции зарубежных и отечественных писателей. Автор исходит из того, что хотя типы характера, их свойства мало или вовсе не меняются со временем, социальная ситуация изменяет приоритеты и потребности в людях, обладающих разными характерологическими особенностями. Одновременно отмечается устойчивость позитивных эталонов характера, прежде всего у молодежи, сохраняющей представления о человеческом идеале.

В последней главе - "Тенденции и перспективы" суммируется проанализированное в предыдущих разделах и комментируются основные тенденции мирового развития - процессы глобализации, интернационализации и одновременно преступности и терроризма. Автор рассматривает их как наиболее опасные угрозы современному человечеству. Вспоминает В.Н. Кудрявцев здесь и позицию деятелей Римского клуба, столь созвучную и его настроению и настроению многих представителей культуры, напуганных масштабами и глубиной кризиса человеческой цивилизации. Есть в этой позиции один парадоксальный момент. Озабоченные судьбами человечества интеллектуалы хотят спасти его с помощью того, что само нуждается в очищении и спасении - будь это человеческие качества, государства или гражданское общество.

В той части монографии, где В.Н. Кудрявцев рассматривает современные нравственные и социальные проблемы трансформирующегося российского общества, он выступает как действительно реалистически мыслящий исследователь. Но кроме реалистичности подхода и других достоинств книги, о некоторых из которых уже говорилось, читатель сможет найти для себя в ней один безусловно ободряющий момент. Монография словно иллюстрирует мысль Канта о том, что нравственный закон является одной из самых волнующих загадок для определения смысла человеческого существования. Приобщаясь к этому чувству загадочности, невольно отвлекаешься от некоторых позиций автора, которые могут и оспариваться.

Социологической общественности будет особенно интересно, как их материалы дают основания для понимания процессов, которые изучаются смежными науками. Думается, что монография В.Н. Кудрявцева будет с заинтересованностью встречена не только представителями академической науки - юристами, социологами, психологами - но и всеми, кому не безразлична судьба страны и современной цивилизации.

Л.М. ДРОБИЖЕВА,
доктор исторических наук, профессор